

**Павел
ЛАПТЕВ**

г. Выкса,
Нижегородская область

ОБРАЗ

рассказ

Весна в этом году выдалась ранняя. Но вот тёплые мартовские деньки пролетели, а в апреле небо надолго затянуло тучами.

Пётр ослабевшими руками еле отпер замок в гараже, открыл дверь и, зайдя внутрь, первым делом включил свет. Взгляд случайно упал на собственное отражение в запыленном зеркале на стене: похудел-то как за эти недели, даже куртка велика стала. Пётр провёл ладонью по зеркалу, оставив следы от пальцев. Подумалось: «Так и жизнь свою запыляем, как это зеркало. Дела ненужные, слова пустые, как пыль... Пшик — и нет их! Только и останется отражение в зеркале, образ один...»

Пётр посидел немного на старом, пахнувшем плесенью диване. Вот она, думал он, жизнь человеческая. Копим всякую рухлядь, это, как говорят, материальное, складываем... А зачем? С собой в гроб не возьмёшь. Раньше здоровый был, и не думалось Петру ни о чём таком. А тут понесло...

Поднявшись с дивана, Пётр начал разбирать полки в гараже: бросал в мусорный мешок детали и провода. Из-за слабости и боли в животе часто присаживался на диван передохнуть.

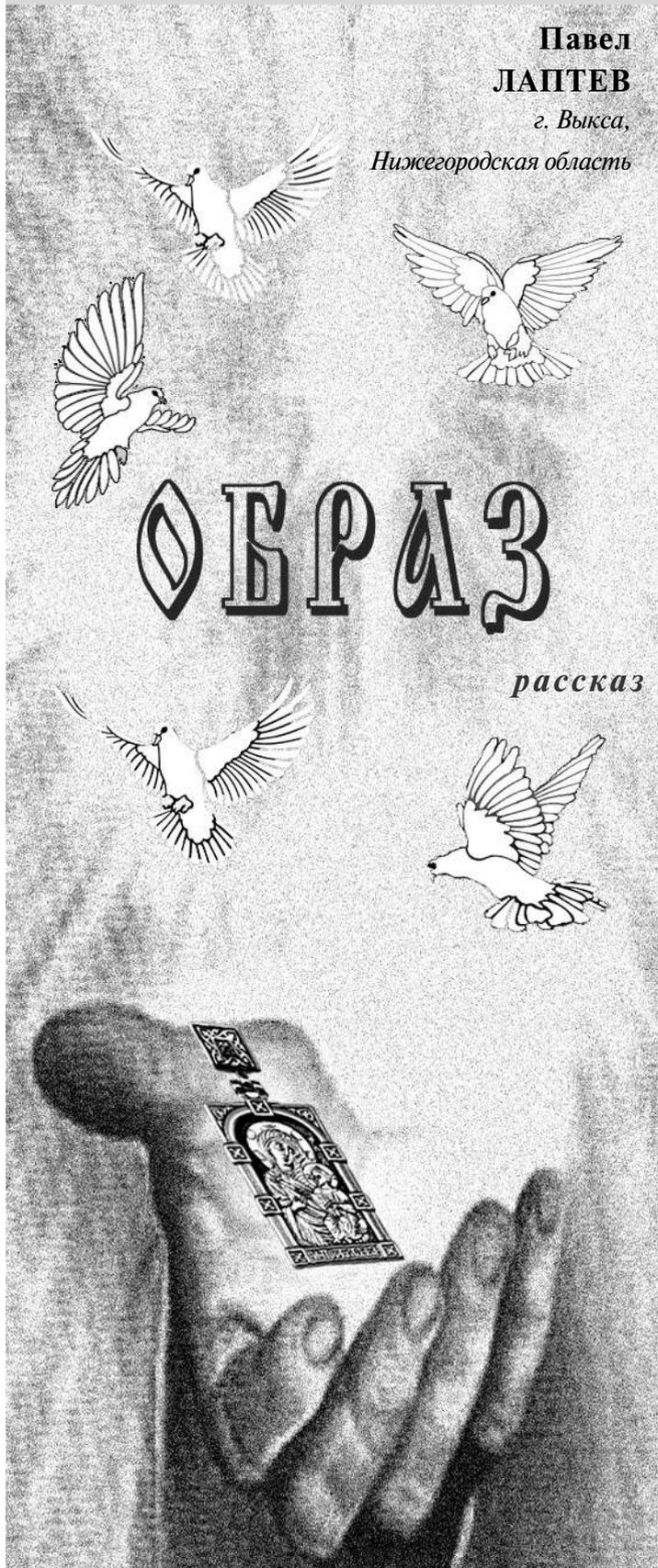
После очередной передышки скинул с полки на пол стопку старых книг. Отсырели даже. Когда-то Пётр притащил их в гараж, потому что выбросить жалко. «В мире миллионы книг учат, как жить, а счастья настоящего на земле нет, — опять потянуло на размышления. — Есть у человека комфорт, богатство, а счастья нет... Как так?»

Опустившись на диван рядом с книгами, Пётр стал подбирать их и класть в мешок. Последнюю отчего-то открыл, пролистал: сборник стихов разных авторов. На одной странице остановился.

*Я искал вездесущего Бога,
Не узнать мне о Нём из газет.
Я ушёл от родного порога
При апрельской неспешной грозе.*

*Я искал Его и в урагане,
В сильном ветре, в огромной волне.
Может быть, Он в огне, на вулкане
Или в небе покажется мне.*

*По земле исходил километры,
Потерял я свой сон и покой.
Он пришёл в дуновении ветра,
Шелестящем мне тихо листвою...*

Дочитав, задумался и замер на мгновение, отложив книгу. В этот момент дверь гаража открылась снаружи. Внутри заглянули два незнакомых Петру мужика:

— Здорово! — сказал один. — Слышь, зёма, выручи на фанфурик!

— Как? — не понял Пётр.

— Ну, на боярышник. Выпить бы, — пояснил второй.

У Петра были деньги при себе, но давать незнакомцам не хотелось.

— Нет у меня, — сказал он.

— Да, блин, ты чо! Двадцатник всего! — мигом взбеленился второй.

— Идите, нету у меня, — повторил Пётр.

Первый подошёл к сидящему на диване Петру и вмазал ему по лицу. Второй ударил его в грудь. Пётр потерял сознание и повалился на диван.

Очнулся вечером. Свет в гараже горел, дверь была открыта. Припомнив случившееся, Пётр ощупал карманы: кошелек на месте. Нетвердо поднявшись с дивана, осмотрелся и обнаружил, что пропал мешок с хламом и книгами и ещё много чего из гаража. Но главное, заметил на полу алюминиевый кулон на веревочке — иконку нагрудную с изображением Богородицы. Пётр вспомнил, что давным-давно потерял её здесь. Нашлась, выходит. Подняв кулон, снова опустился на диван, затем прилег.

Домой пока не хотелось — там никого, и здесь тоже. Один. Это отец говорил: живёшь с людьми, а умирать один будешь. Отец говорил ещё: поступай с людьми так, как хочешь чтобы с тобой поступали. А эти мужики дурные...

Так всю ночь Пётр и пролежал на диване с иконкой в руке, но не спалось. В груди, в животе ныло от боли, знобило.

Под утро пошёл дождь, и под мерный шум его, под стук капель он наконец уснул, а прежде надел иконку на шею — чтобы снова не потерять.

Когда проснулся, Пётр подумал, что надо бы пойти в храм. К тому же знал из газет, что в Иверском Выксунском женском монастыре в большом храме восстановлен придел. Выходит, отсюда, из гаража, недалеко. Вот и решил сходить Пётр, заодно спросить про иконку.

Путь недалекий, но идти было тяжело: за час Пётр прошагал по лужам из микрорайона по

улице Краснофлотской в район монастыря.

Как давно он не был здесь, как всё преобразилось! Выросла в пять ярусов колокольня с часами, а рядом — храм с голубыми куполами и золотыми звёздами. Сквер с памятником преподобному Варнаве Гефсиманскому и с мозаичным панно с видом монастыря, какой он был до разрушения. Но главное — люди. «Таких лиц, радостных, светлых, в городе не увидишь», — подумал Пётр.

Он повернул налево и дошёл до храма в строительных лесах, на мраморной доске которого было выбито: «Троицкий Собор во имя Живоначальной Троицы построен в 1909 г., в 1927 г. взорван...» Возле храма — несколько рабочих. Чёрная кованая дверь. И надпись, что богослужения совершаются в Успенском храме. «Наверно, вон в том, храме справа, с голубыми куполами», — решил Пётр. Там и людей много.

Он сел отдохнуть на лавочку возле деревянного креста. Посмотрел на наручные часы — 12:12, тут же часы на колокольне прозвенели. «Опять! Не может быть!» — подумал Пётр. Повторяющиеся цифры как будто преследовали его в последнее время. Как ни посмотришь на часы, чтобы узнать, который час, — восемь — восемь, девять — девять, десять — десять. Что это за знак? Может, кто-то невидимый что-то хочет сообщить?..

В животе у Петра кольнуло, он прижал руку к больному месту. Диагноз напомнил о себе... Жил вот так, как все, — и на тебе! Заболело в животе, онкология. Кто-то пьянствует неделями, курит как паровоз, а живёт до глубокой старости. А тут обычная жизнь. В спортзал даже ходил. Ну, пиво бывало, ну, с женой ссорился — развёлся, так что уж, злостный грешник, что ли?

Пётр поднялся было с лавочки, чтобы идти, но дверь храма отворилась и вышла красивая девушка в чёрном одеянии, в очках — монахиня.

— С праздником! — сказала она Петру. — Вы не поможете, молодой человек?..

«Ничего себе молодой! Сороковник никак!» — Пётр мысленно усмехнулся.

— Да не... — замялся. — Больной, — кашлянул.

— А тут всего ничего, два ведра, — сказала монахиня и приоткрыла дверь, приглашая его войти.

Пётр покачал головой, поморщился, но медленно пошёл за ней.

— А какой праздник? — спросил.

— Пасха! Вы что? Христос Воскресе! — радостно произнесла монахиня. — Пасхальная неделя... Ой, а у вас синяк, в Пасху-то...

— Бывает, — сказал Пётр и, спохватившись, добавил, как принято: — Воистину.

Они прошли в храм. Людей там не было.

— Здесь пока ремонт, — сообщила монахиня. — Вот вода в вёдрах, её надо вылить в канализационный колодец. Увидите, такой квадратный с крышкой. Ага?

Пётр в маленьком помещении под лестницей взял вёдра и понёс на улицу, вылил в колодец, сел отдохнуть на лавочку. И повалился назад, упав на землю.

— Господи, что с вами?! — подбежала молодая монахиня, помогла подняться, усадила.

— Простите, я ж говорю, болен. Рак у меня, — признался Пётр.

Монахиня печально покачала головой:

— Простите меня, я как-то не подумала... Но вы правильно сделали, что пришли, надо исповедаться, причаститься...

Пётр густо закашлял, наконец сказал:

— Да я пришёл-то чего?.. Узнать название вот этой иконки, — показал на кулон у себя на груди. — Может, знаете, — теперь он снял с шеи образок, отдал монахине. — Это было в году... восемьдесят восьмом. Я был учеником в профтехучилище третьем, ПТУ, на электрика учился. Сейчас духовное училище.

— Да, я знаю, — подтвердила монахиня.

— Да, и нас попросили перенести этот... столик такой...

— Аналой? — подсказала монахиня.

— Аналой, — кивнул Пётр, — наверно, в молитвенный дом здесь, в Выксе. Перевезти на грузовой машине училища то есть... Несколько ребят с урока отправили подсобить. И тогда одна старушка мне подарила иконку. Ну, дала и дала. Зачем она мне, молодому, здоровому, бодибилдингом занимающемуся? Неверующему, конечно. Я её бросил куда-то в гараже и забыл о ней. А тут вот с этой болезнью... Стал в гараже хлам разбирать. Думаю, умирать скоро — мусор вынести надо. И нашёл эту иконку.

Монахиня вернула Петру кулон.

— Она дешёвая, наверно... но я не понимаю в живописи, — неуклюже добавил Пётр. — Как она называется?

— Это образ Иверской Божией Матери. А чем икона отличается от любой картины, знаете? — спросила монахиня, ответила сама: — Бесстрастностью. Изображённые на ней святые не танцуют, не смеются.

— А плач? — предложил Пётр.

— Это сокрушение о греховности, — пояснила монахиня. — Там нет страстей, вечеринок. Бог бесстрастен и неизменен. Уподобиться ему, прикоснуться к его блаженству можно лишь через Христа Спасителя. Только через Сына Божия.

К лавочке прилетело несколько голубей, начали ходить и ворковать подле них. Пётр надел иконку на шею, покопался в карманах куртки, щепотку семечек достал и бросил голубям.

— Хочешь жить — за любую соломинку схватишь. И я вот надел иконку на шею, будучи неверующим, — печально усмехнулся он.

— Обрёл, значит. Не случайно, наверно, — предположила монахиня. — У Бога не бывает случайного.

Пётр опять усмехнулся, ещё бросил голубям несколько семечек.

— А зачем она? То есть иконы зачем? — выпытывал он.

— Молодой человек, — опять она так его назвала, — почитая образ, мы поклоняемся первообразу. Вот Божия Матерь у нас одна, а образов много.

— Логично, — сказал Пётр и густо закашлялся.

Голуби тут же вспорхнули и улетели. А монахиня подала Петру свой платок с вышитым в углу восьмиконечным крестиком:

— Возьмите.

— Спасибо, — он вытер платком губы.

— Это — вам. Оставьте себе, — сказала монахиня.

— Спасибо, — Пётр немного смутился. — Вы такая молодая, красивая... Я думал, только бабушки в монахини идут или у кого проблемы какие... — искренне сказал он.

— У меня — проблемы? Никаких, — серьёзно сказала монахиня. — Просто я невеста Христова, выбрала этот путь, и всё.

— Это... счастье? — робко спросил Пётр.

Девушка улыбнулась и кивнула:

— Это мой путь к Богу.

На несколько мгновений солнце выглянуло

из-за туч, словно подмигнуло. Спряталось, снова вышло.

— Тяжело, наверно, здесь, — предположил Пётр.

Девушка пожала плечами, светло улыбнулась.

— С помощью Божией всё ладно.

— А я не знаю ничего... не понимаю, — признался Пётр.

— Для всего нужно время, — кротко сказала монахиня.

— Какое уж тут время?.. — Часы на колокольне прозвенели, и ещё раз. — Какое уж мне время... — повторил Пётр.

— Сходите в Успенский храм, служба закончилась. Но там очень красиво, росписи на стенах... Вам понравится. И большая икона Иверская там слева от иконостаса — такая же, как на вашей иконке. И, если можете, подайте нуждающимся, только тихонько, тайно, чтобы внимания не привлекать. А Господь увидит, — улыбнулась монахиня.

Пётр тоже улыбнулся, на небо направил взор, но вдруг прищурился, глаза опустил.

Солнце скрылось за тучи, и подул ветер, лёгкий, ласковый.

— Спаси, Господи, за помощь. Вёдра я сама снесу, — поблагодарила девушка и быстро скрылась за чёрной дверью.

Пётр зашёл в Успенский храм, втянул носом благоуханный воздух, осмотрелся. Несколько человек молились. Он купил свечку и подошёл к иконе в золочёном окладе, увешанной многочисленными золотыми украшениями, и неумело перекрестился. Зажёг от лампадки свечку и поставил на подсвечник, но она, не устояв, упала на пол. И погасла. Пётр поднял её, снова зажёг от другой свечи и долго устанавливал, а горячий воск капал на его руку. И установил. Постоял, попросил шёпотом об исцелении. И поцеловал оклад. И долго стоял так, горячо просил, будто не перед иконой вовсе, а перед настоящей живой Девой с младенцем Иисусом. Смотрел Пётр в их глаза, почему-то веря, что и они знают всю его жизнь, плохую или неплохую — обычную жизнь. И показалось ему, словно ждали они его в этот день.

Рядом с образом на лавке сидела пожилая

монахиня в одеянии с капюшоном, на котором были белые кресты.

— А почему Иверская называется? — спросил её Пётр.

— Из Иверского монастыря на Афоне. В девятом веке-ти она... — монахиня хотела рассказать историю образа.

Но Пётр прервал:

— А украшения?.. — указал на них под стеклом.

— Это люди отдали свои кольца, серьги с просьбой какой или с благодарностью, — ответила хрипловатым голосом монахиня.

Пётр снял с шеи свою иконку, протянул ей:

— Повесьте, пожалуйста.

— Ой, у меня ключа нет сейчас, — махнула рукой монахиня. — А ты приходи завтра, понял? На архиерейскую службу-ти, епископ нашей епархии Варнава будет служить литургию.

«Литургия! Архиерейская служба! Слова-то какие новые!» — подивился Пётр. Надел свою иконку на шею. Собрался было уходить, но снова обратился к женщине.

— А заповеди можно все исполнить? — отчего-то взбрело в голову спросить.

Пожилая монахиня улыбнулась.

— Заповеди-ти? Это привычно... — протяжно сказала она. — Это жизнь обычного человека, не героя. Бог создал человека свободным по образу Своему и Подобию. Образ — в нас, а подобие мы заслуживаем, заповеди исполняя. И происходит наше обожение. Понял? Возлюби Бога и возлюби ближнего как самого себя. Бог Един по Существованию, но троичен в Лицах. В единстве любви. Бог есть Любовь. А Любовь есть жертва...

Через несколько минут Пётр уже стоял возле выхода из храма. Достал кошелек, приготовил милостыню. Что-то опустил в ящик с табличкой «На восстановление монастыря», остальное раздал старушкам на паперти. И пошёл.

Солнце опять ослепило глаза. Пётр прикрыл их ладонями, потом открыл, зачем-то обернулся и увидел на крыльце храма маленькую девочку, лет пяти, в цветастом платочке, потрёпанной курточке. Девочка молча вытягивала ладошку — просила. Пётр сделал несколько шагов по направлению к девочке и заметил, что на ее руке недостаёт нескольких пальчиков, а другой рукой она поддерживает покалеченную ладонь.

В этот миг что-то произошло в душе Петра:

будто внутри у него огонь вспыхнул, так тепло стало внутри — и в груди, и в животе. Ему казалось, что ничего нет важнее этой девочки, весь мир с его радостями и печалью отступил. Богатства, технологии, смартфоны и прочая ерунда — это всё так мелко, так ничтожно в сравнении с покалеченным ребенком. Осталась только она — девочка.

Пётр подошел к ней, хотел присесть на корточки, но не смог — сил не было, и тогда он встал перед ней на колени. Слезы навернулись на глаза.

— Извини, я всё так мелко... Все деньги отдал... — тихо сказал он.

А она, такая маленькая, кроткая, погладила его по лысой голове ладошкой без пальцев и сказала тоненьким голосом:

— Пусть.

Пётр тяжело поднялся с земли, снял с шеи образки и протянул девочке. Она обрадовалась, поцеловала его и спрятала в карман.

— Ты где живёшь-то? — спросил он.

Девочка посмотрела карими глазками, помотала головой и сказала:

— Мы — здесь... Родители пьют, бросили нас.

— И завтра здесь будешь?

Девочка утвердительно кивнула.

— Я приду тогда... К тебе приду, — пообещал Пётр. — Тебя как зовут?

А она не ответила, побежала в храм.

Пётр постоял немного, но девочка больше не показывалась. С крыльца спустились двое — немолодой священник и мужчина в костюме с галстуком.

Пётр услышал их разговор.

— Если Бог добр, почему же войны на земле? — спросил мужчина.

— Православие учит, что человек сам делает себе плохо и сам наказывает, — отвечал священник. — Представь, что есть закон всемирного тяготения. Ты о нём знаешь и принимаешь его, иначе жизнь твоя была бы другой или её вообще не было б. И, зная это, ты лезешь на крышу дома, прыгаешь вниз и ломаешь ноги. Так и с духовными законами, данными Богом. Ты знаешь, что нельзя убивать, пьянствовать, красть, но нарушаешь. Таким образом, сам себя и наказываешь.

— А умирающие дети? Или невинные люди, или калеки? — допытывался человек.

Священник помолчал, огладив седую бороду, потом ответил:

— После грехопадения прародителей изменилась природа их и на нас, потомков, перешла. И мир изменился. Вот здесь-то и появляется ответ на вопросы, зачем Христос пришёл в мир, зачем спасение, зачем Церковь, где Божественное Откровение распространяется через Священное Предание и Священное Писание. Сын Божий, как врач, исцеляет. При содействии Святого Духа в Таинствах. Потому, кто говорит, что у них Бог в душе и им не нужны храмы, глупцы...

Священник вручил человеку в костюме красное яйцо со словами «Христос Воскресе». А тот отдал его стоявшему рядом Петру.

Тот, приняв дар, мигом откликнулся:

— Воистину Воскресе!

По пути домой Пётр, голодный, поскольку не ел со вчерашнего дня, съел пасхальное яйцо. На душе у него было так светло, будто прикоснулся к огромному миру — красивому, доброму.

Пётр думал: «И один день здесь, в храме, стоил бы всех дней прожитых. Найти Бога, быть с Ним — вот где счастье истинное». И так сильно захотелось ему больше узнать о Православии! Успеет ли? Хватит ли времени, отмеренного ему?

Вечером дома Пётр заметил, что боль в животе отступила впервые за многие дни. Температуру измерил — в норме. Он положил рядом с кроватью на столике платок монахини, достал из книжного шкафа бабушкину Библию. Посмотрел на часы: 00:00.

«Чудеса, — подумал он. — А может, и нет его уже, рака этого. Хотелось бы верить! Как хотелось бы верить...»

Пётр открыл книгу, пошелестел пожелтевшими страницами, будто листьями на ветру. И вот остановился на одной странице. Сначала пробежал глазами удивительные поэтические строки, а потом прочел шёпотом. Этого показалось мало, и он прочёл громко, уверенно, во весь голос:

— Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Всё покрывает, всему верит, все надеется, все переносит... Любовь никогда не перестает...

ЩЕРБЕТ

рассказ

Хорошо летом в деревне. Потому что каникулы. К бабушке родители привезут на пару недель, сами уедут — и гуляй себе вдоволь, купайся в озере. Никто не следит. Ничьего глаза нет. Друг по кличке Лысый — белобрысый до того, что и волос незаметно, — всегда рядом. Он в обиду не даст местным парням, а ещё научит и с тарзанки прыгать, и таким словам, каких в городе не слыхивали.

— Вали, вали! — крикнул Лысый Саньке, — то есть давай прыгай, не бойся, — когда тот залез на дерево у озера и уже за верёвку взялся.

Санька закрыл глаза, потом открыл, посмотрел вниз и не решился.

— Ссанный! — орал с воды Лысый и хохотал.

У Саньки ноги как ватные, сам весь вспотел.

— Сейчас! Погодь, прыгну! — голосил Санька.

— Ха, не прыгнешь! Духу не хватит! — крикнул Лысый и нырнул.

Санька потоптался на суку и слез с дерева на землю. Потом зашёл в воду и поплыл к вынырнувшему приятелю.

— Чего вы городские все чахлые, всего боитесь? — насмешливо сказал Лысый.

Обиженный и на себя, и на приятеля Санька ничего не ответил.

— Ничего и никого не бойся! — учил Лысый. — Если надо — прыгай, надо — убей! Зырь! — крикнул он, забрался на дерево, прыгнул и минуты на две скрылся под водой.

Санька даже подумал, что утонул Лысый. А тот вынырнул из воды и показал — не одному Саньке, а всему миру — неприличный жест.

— Во как! — крикнул.

Время шло к вечеру. На берегу они вдоволь наелись Санькиного щербета, который родители оставили, и пошли в деревню. Когда проходили возле дома деда Мити, увидели его на лавочке — он что-то чертил носком калоши на песке.

— Прикинь, дед Митя этот — дурак, ну, чокну-

тый, — тихо сказал Лысый и покрутил пальцем у виска. — Раньше он был нормальный, а потом свихнулся на старости, — затем громко поприветствовал старика: — Здорово, дед Мить!

Тот улыбнулся в седую бороду и что-то промывчал.

Ребята сели рядом с ним на лавку, и Лысый спросил:

— Щербет будешь, дед Мить?

Тот радостно кивнул.

— Давай угостим деда, — предложил Лысый Саньке.

Санька достал из кармана пакет с оставшимся щербетом и передал Лысому.

— Гляди, какой уссывон щас будет! — Тот поднялся с лавки, чуть поодаль нашёл на земле свежий куриный помёт, обмазал им кусочек щербета.

Вернувшись к лавке, Лысый дал деду Мите угощение. Дед как ни в чём не бывало начал щербет облизывать.

— Зачем?.. — спросил Санька, которому было вроде как и смешно, и как-то не по себе от такой шутки.

Лысый отмахнулся, не ответил.

— Вкусно, дедушка? — спросил он деда.

— Сладко, — невнятно ответил дед.

— Ещё будешь? — Лысый усмехнулся.

Санька вмешался:

— Не надо, — попытался остановить друга.

— Чего не надо?! — зло вспыхнул Лысый. — Что ты всего боишься-то?! — Он намазал помётом оставшийся кусок щербета и протянул деду.

— Сладко, — опять промямлил тот, жуя.

Странное чувство возникло у Саньки: ему стало казаться, что рядом с ними на лавочке сидит кто-то ещё и наблюдает. Приподнявшись, огляделся — поблизости никого. Находиться здесь Саньке было неприятно и даже стыдно, и он пошёл в сторону дома, не попрощавшись.

— Ну, иди! Иди, трус!!! — крикнул ему вслед Лысый.

Когда Санька пришёл, на улице уже стемнело. Миновал сени, затем — неосвещённую кухню. А в комнате, едва открыл дверь, в глаза ударил яркий электрический свет — до рези в глазах. Санька остановился у порога, и вдруг ему показалось, что под большой иконой в углу кто-то стоит и недобро глядит на него. «Дед

Митя!» — вспыхнула мысль. Санька мотнул головой: нет, этого не может быть.

Когда он лёг спать, долго не мог уснуть: всё ворочался на вкусно пахнущей подушке, набитой сеном. Вроде ничего не болело у Саньки, а лежать ему было неудобно, неудобно, не хорошо, — всё вспоминался дед Митя и тот шербет. Ему, мальчишке, стало так жаль деда Митю. «За что ему?.. А если бы на его месте оказался я сам?» — терзали Саньку мысли.

Наутро Санька первым делом побежал к деду Мите. Тот сидел на лавочке возле своего дома, смотрел вниз и опять рисовал носком калоши на песке.

— Дед Мить, — сказал тихо Санька, медленно подошёл и сел на лавку рядом с ним.

Тот мотнул головой, потом промычал что-то в бороду.

— Прости меня, дед Мить, — сказал Санька и почувствовал, как у него навернулись слёзы на глаза; и от слёз этих стало как-то хорошо, тепло в груди.

Дед Митя посмотрел на мальчика и пожал плечами.

— Я не трус! Не трус, — сказал мальчик.

Дед Митя криво улыбнулся, обнял Саньку и спросил, картавя:

— Шербет есть?

Санька покачал головой.

— Жалко, — сказал дед Митя.

— Жалко, — сказал Санька. — Но я куплю. В сельпо сбегаю и куплю сегодня. Ладно, дед Мить?

Тот не ответил, а показал кривым пальцем на небо. Там утреннюю синеву заволокла туча, похожая на кусок шербета.

— Там сладко, — дед Митя тыкал пальцем вверх. — Там хорошо.

С неба упало несколько дождевых капель.

— Дождик начинается, я пойду уж, — сказал Санька и направился к дому.

Пока шёл, начался ливень — тёплый, ласковый. Прогремел гром. Санька быстро вымок, домой идти передумал — свернул к озеру. Там он разделся, влез на дерево и сразу, ни о чём не раздумывая, спрыгнул на тарзанке в воду. Вынырнул из воды под громовой раскат, и такая радость охватила всё его существо, он смеялся и плакал одновременно, — будто заново родился.

— Духу, говоришь, не хватит! Хватит!!! — крикнул Санька в полный голос, но рядом никого не было, и он снова полез на дерево.

Дождь шёл ещё долго, а когда кончился, в небе за озером развернулась радуга.

Павел Николаевич ЛАПТЕВ

родился в городе Выкса в 1971 году.

Окончил Нижегородский государственный технический университет и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Работает инженером в электроэнергетике.

Пишет стихи, прозу.

Автор книг «Повести и рассказы», «Краски».

Публиковался в журналах «Север», «Юность», «Сибирские огни» и др.

Участник Третьего форума молодых писателей России (Липки),

форума и творческого семинара писателей

и поэтов Поволжья (Арзамас).

Член Союза писателей России.

